

СОВРЕМЕННОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ

БРУНО
ДЕ НИКОЛА

ЖЕНЩИНЫ В ИРАНЕ

1206 – 1335 гг.

«Современное востоковедение»
= «Contemporary Eastern Studies»

Бруно де Никола

Женщины в Иране. 1206–1335 гг.

«Библиороссика»

2017

УДК 94(55)
ББК 63.3(5Ирн)

де Никола Б.

Женщины в Иране. 1206–1335 гг. / Б. де Никола —
«Библиороссика», 2017 — («Современное востоковедение» =
«Contemporary Eastern Studies»)

ISBN 978-5-907532-42-7

В своей книге Бруно де Никола изучает развитие статуса женщин в Монгольской империи вплоть до конца Государства Хулагуидов. Исследуя закономерности, проявляющиеся в трансформациях статуса женщин, автор предлагает свой взгляд на эволюцию, проходившую в изначально кочевом обществе в ходе его контактов с преимущественно оседло-мусульманским Ираном. Book of Excellence'2017 по версии Иранского посольства в Великобритании. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(55)
ББК 63.3(5Ирн)

ISBN 978-5-907532-42-7

© де Никола Б., 2017
© Библиороссика, 2017

Содержание

Список иллюстраций	6
Благодарности	7
Замечания по транслитерации	9
Введение	12
Знакомство с хатунами	12
Изучение хатун	14
Изучение женщин в Монгольской империи: обзор литературы	16
Исторические источники для исследования роли женщин в Монгольской империи	20
Об этой книге	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Бруно де Никола

Женщины в Иране. 1206–1335 гг

Посвящается Марте, Лауре и Марко

Bruno De Nicola
Women In Mongol Iran
The Khātūns, 1206–1335

Edinburgh University Press
2017

Перевод с английского Андрея Разина

© Bruno de Nicola, text, 2017
© Edinburgh University Press, 2017
© А. Разин, перевод с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

Список иллюстраций

Карты

1. Карта Монгольской империи
2. Карта Государства Хулагуидов, 1260–1335 гг.

Рисунки

- 1.1. Предки Чингисхана (часть 1)
- 1.2. Предки Чингисхана (часть 2)
- 2.1. Великие ханы и императрицы Монгольской империи
- 2.2. Хатуны дома Чагатай
- 3.1. Ильханы и хатуны Ирана
- 3.2. Ранние ойраты и их связь с семьей чингизидов
- 4.1. Кераиты и их связь с семьей чингизидов
- 4.2. Передача хатунских орд в ильханидском Иране

Иллюстрации

1. Портрет Алан Коа в рукописи XIX века «Му'изз аль-ансаб».
2. Монгольская придворная сцена
3. Рождение монгольского принца
4. Жена отравляет Ардашира (из «Великой Монгольской Шахнаме»)
5. Монгольские мужчины и женщины в орде
6. Портрет хана и хатуны
7. Подготовка к монгольскому празднику
8. Два монгола читают Коран

Благодарности

Эта книга никогда не увидела бы свет в печатном виде, если бы не профессор Чарльз Мелвилл, научный руководитель моей докторской диссертации в Кембриджском университете с 2007 по 2011 год. Я благодарю его за поддержку на протяжении всех этих лет, за терпеливое чтение моей работы по мере ее написания, за благосклонное отношение к этому моему проекту и постоянную помощь в научном плане. Его знания и наставления принесли мне огромную пользу. Работать с ним – огромное удовольствие. За его доверие, помощь и поддержку я всегда буду благодарен.

Я также хотел бы поблагодарить доктора Терезу Виньолес и доктора Джорджа Лейна, которые на ранних этапах вдохновляли и поощряли мой интерес к истории женщин в Средневековье в целом и в Монгольской империи в частности. Кроме того, я хотел бы поблагодарить госпожу Наргес Фарзад и доктора Кристину ван Руймбеке за их содействие в овладении персидским языком, столь важным в проведении настоящего исследования.

Хотя большая часть включенных в эту книгу материалов основана на моей докторской диссертации, после моего отъезда из Кембриджа, в моем научном развитии сыграли ключевую роль и другие коллеги. Хочу поблагодарить г-жу Урсулу Симс-Уильямс и доктора Эндрю Пикока за то, что они доверили мне работать с ними в постдокторантуре. На протяжении последних лет они были очень важны для меня и делились со мной знаниями, советами и своей поддержкой. Также хотелось бы поблагодарить Сару Нур Йылдыз и Зейнеп Окай, помогавших мне, когда позднее я занялся историей средневековой Анатолии. Я также благодарен профессору Дэвиду Моргану, доктору Дэвиду Сниту, профессору Питеру Джексону, доктору Джудит Пфайффер, профессору Дениз Айгл, профессорам Карин Рюрданц и Йонатану Браку за их комментарии и предложения на разных этапах работы над этой книгой. Я также выражаю глубокую признательность профессору Энн Бродбридж, которая внесла ряд ключевых замечаний в окончательный вариант рукописи. Книга эта также является плодом содействия Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, особенно благодаря договоренностям, достигнутым доктором Эвримом Бинбаш, который любезно предложил мне представить мою рукопись в Общество и в Издательство Эдинбургского университета.

Наряду с профессиональной научной поддержкой, полученной мной от вышеупомянутых коллег, этот проект был бы невозможен без помощи друзей, которые не оставляли меня в процессе работы. Николас Барбьери на протяжении многих лет неизменно эмоционально подбадривал меня, тем самым доказывая, что дружба не зависит от географических расстояний. Я также признателен моим кембриджским друзьям, благодаря которым мое пребывание в Кембриджском университете стало уникальным опытом: это Йонатан Мендель, Манар Махул, Праджакти Калра, Сиддарт «Монту» Саксен, Элла Йедайя, Джеймс Уивер, Игнасио Санчес, Саймон Ридли, Пилар и Ана Лакуна Гран, Эдуардо Борт, Сэм Джонс и Рональд Клингсбилль (а также многие другие); все они сыграли решающую роль в воплощении этого исследования в жизнь.

Я хотел бы поблагодарить Ислу Россер-Оуэн за проверку предварительного варианта книги, а также сотрудников факультета азиатских и средневосточных исследований (Кембриджский университет), Пембрук-колледжа и Британского института персидских исследований (BIPS) за постоянную помощь в прохождении сложных административных препятствий на пути получения научной степени. Я благодарен Ульфатбеку Абдурасулову за предложения по улучшению перевода, а также Институту иранских исследований (Австрийская академия наук) и учредителям проекта Nomads' Manuscripts Landscape.

И наконец, что немаловажно: я благодарен членам моей семьи за то, что они всегда были рядом со мной на протяжении всех лет, когда я старался осуществить свою мечту и превра-

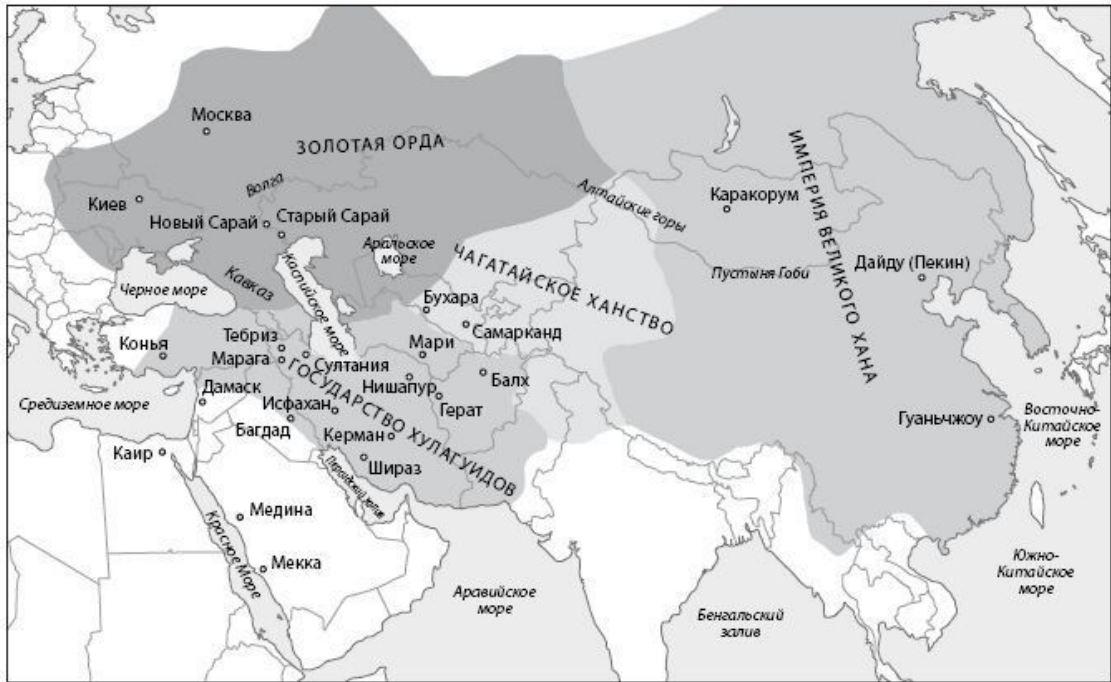
тить страсть к истории в профессию. Но, прежде всего, эта работа была бы невозможна без неустанной поддержки и неизменной любви моей супруги Марты Домингес Диас и двух наших детей, Лауры и Марко. Именно им и посвящается эта книга.

Замечания по транслитерации

Отсутствие стандартизированной системы транслитерации всегда было проблемой монголоведения. Транслитерация имен собственных проводилась с учетом того, что я не владею монгольским и что большинство источников, использованных для представленного здесь исследования, написаны на персидском, а не на монгольском языке. Чтобы облегчить читателю понимание, написание монгольских и турецких имен основано на системе, принятой Дж. А. Бойлом в его книге «Наследники Чингисхана» [Boyle 1971]. Для имен, не встречающихся в этой работе, я использовал систему У Тэкстона из его «Джами' ат-таварих: сборник исторических хроник» [Thackston 1998]. Однако имеются некоторые исключения, наиболее очевидные в отношении использования имени «Чингиз-хан», которое было заменено на «Чингисхан». Для арабских и персидских терминов я придерживался приведенной ниже таблицы транслитерации, использованной мной для специальных терминов и названий работ в примечаниях и библиографии. При этом, однако, убраны диакритические знаки из всех собственных имен существительных (имен, географических названий и т. д.) и слов, встречающихся в английском словаре. Для тех имен, которые встречаются только в «Тайной истории монголов», я придерживался транслитерации, использованной в издании Игоря де Рахевильца 2004 года [Rachewiltz 2004], за исключением монгольского и турецкого с, которое в английском заменялось на sh. Местные названия даны в их нынешней англизированной форме, где это применимо, например, Kerman (рус. Керман), Yazd (рус. Йезд) и Khurasan (рус. Хорасан). Аналогичным образом, такие вошедшие в язык общеупотребительные термины, как «мамлюки», «султан», «хан» и так далее, оставлены в их привычных формах. Даты, как правило, приводятся в христианском летоисчислении, но, где это уместно, им предшествуют даты по мусульманскому календарю (по Хиджре). Между ними ставится тире.

Таблица транслитерации

Персидский	Латиница
ا	ā
ب	b
پ	p
ت	t
ث	th
ج	j
چ	ch
ه	h
خ	kh
د	d
ذ	dh
ر	r
ز	z
ژ	zh
س	s
ش	sh
ص	ṣ
ذ	ḍ
ط	ṭ
ظ	ẓ
ق	gh
ف	f
ق	q
ک	k
گ	g
ل	l
م	m
ن	n
و	v, w, ū (гласный)
ه	h
ی	y, ī
ا	a
ه	e
و	o
Гласные	

Карта 1. Карта Монгольской империи

Карта 2. Карта Государства Хулагуидов, 1260–1335 гг.

Введение

Исследование роли женщин в Монгольской империи

Медиевистам всех мастей известно, насколько невероятно тяжело проникнуть в образ мыслей и мыслительные процессы мужчин и женщин, живших много веков назад.

[Hambly 1998: 23]

Знакомство с хатунами

К 1206 году молодой монгольский князь Темучин, по завершении своих военных предприятий в монгольских степях, был возведен на престол своими соплеменниками и соперниками и с тех пор стал именоваться Чингиз- (Чингис-) ханом. Хотя эта дата знаменует конец кровавого периода в истории Монголии, она одновременно символизирует начало не менее кровавой эпохи в истории Евразии. Монгольские армии, теперь объединенные под началом Чингисхана, на протяжении трех поколений завоевывали все, что лежало на их пути от Желтого моря до Дуная в Центральной Европе и от Сибири до Инда. Однако, когда речь идет об империях кочевников, завоевание не обязательно приводит к территориальному объединению. Сразу же после смерти Чингисхана в 1227 году завоеванные им территории были разделены между его четырьмя сыновьями и их потомками, что привело к дроблению империи на четыре ханства (Китайское, Центральноазиатское, Иранское и Золотую Орду на Руси), которые вступили в противоборство друг с другом уже спустя несколько лет после смерти первого преемника Чингисхана – хана Угедэя (ум. 1241)¹.

Монгольские армии не просто проходили по землям или же, завоевывав их, покидали покоренные территории, как до них поступали другие кочевые народы, например гунны. Вместо этого они приходили, чтобы остаться, а их женщины и дети следовали сразу за войсками, чтобы присоединиться к ним и обосноваться в тех местах, где смогли добиться успеха военные. Когда эти женщины стали жить в растущей империи, к тем из них, которые принадлежали к высшим сословиям и были замужем за представителем чингизидской династии, стали обращаться с почетным титулом «*хатун*» (мн. монг. *khawatur*, здесь будет использоваться более распространенное множественное число, *хатуны*), который отражал их более высокий статус и их признанный союз с мужчиной-правителем, в отличие от других женщин при дворе, таких как наложницы². Происхождение самого слова с определенностью не выяснено; возможно, оно пришло из древнетюркского (или, возможно, даже согдийского языка), но широко используется в средневековых персидских и арабских источниках. Оно означает «дама», «госпожа», «знатная женщина» и использовалось для обозначения женщин высшего общества задолго до появления монголов в Центральной Азии в начале XIII века [Frye 1998: 55–68; Nicola 2016: 107–120].

Упомянутое классовое разделение важно для целей настоящего исследования. Ценность и особенности источников, которыми мы располагаем для изучения периода монгольского господства в Евразии, зависят от той информации, которую мы можем получить в них об этих женщинах. С одной стороны, имеющиеся источники, посвященные Монгольской империи, относящиеся в основном к Средневековью, ориентированы преимущественно на мужчин.

---

¹ О разделе Монгольской империи см. [Jackson 1978: 186–244; Amitai 1999: 12–38].

² О термине «хатун», *khatur*, также см. [Encyclopaedia; Doerfer 1967:132–141].

Это означает, что сведения о женщинах, как правило, даются в источниках либо вскользь, либо сами источники не вполне надежны, поскольку деяния женщин зачастую используются для передачи определенного нарратива, так что любая информация, как правило, отличается склонностью к предвзятости и избытком штампов, клише и стереотипов. С другой стороны, когда в источниках упомянуты женщины, это, как правило, особы, принадлежащие к высшим слоям общества: царицы, принцессы или другие выдающиеся представительницы монаршего рода [Hambly 1998: 22]. Иными словами, когда нам удастся найти информацию о женщинах Монгольской империи, она всегда относится к хатунам, то есть к женщинам, принадлежащим к элите, либо женщинам, обладающим определенным влиянием (будь то с религиозной, генеалогической или политической точки зрения). По этой причине, и учитывая тот факт, что исторические хроники уделяют наибольшее внимание жизни при дворе и военным достижениям правителей – как общеимперского, так и локального уровня, – и военному становлению тюрко-монгольских завоевателей, лишь немного места остается для простых людей, если только они не изображаются как жертвы налогового режима или «прохождения армий» [Historiography].

Соответственно, источники грешат дисбалансом в изображении женщин, который трудно преодолеть. Тем не менее, если признать этот факт (по крайней мере, пока новые источники не увидят свет) и сосредоточиться в основном на женщинах, связанных с правящими классами, то Монгольская империя предоставляет хорошую возможность изучить, как жили эти женщины и как они осуществляли свое влияние на империю в Евразии XIII – начала XIV века. Кроме того, исследование женщин в евразийских обществах в целом и в Монгольской империи в частности все еще находится в зачаточном состоянии по сравнению с количеством исследований, посвященных, например, женщинам средневековой Европы или Китая. Таким образом, в настоящей книге предпринята попытка предложить свой взгляд на этих знатных дам, признавая, впрочем, что при этом неизбежно упускается из внимания роль женщин из более широких слоев общества, избежавших исторической фиксации.

Изучение хатун

Несмотря на то что в области гендерных исследований и истории женщин проделана большая работа, используемый здесь методологический подход, хотя и касается обеих этих дисциплин, не ограничивается исключительно указанными рамками. Это обусловлено как спецификой рассматриваемого нами исторического периода, так и характером доступной в источниках информации. Подход, основанный на изучении истории женщин в целом, может быть полезен для настоящего исследования, но в то же время следует избегать предположений о сходстве статуса женщин, например, в ранний исламский период на Среднем Востоке и в Монгольской империи. В исследуемой области представлены важные научные публикации, которые позволили нам обогатить тематику настоящей книги³.

Кроме того, недавние исследования роли женщин в истории позволили сформулировать несколько интересных подходов, которые могут быть полезны для методологии настоящего исследования; это, в частности, изучение мужчин в качестве мужей и сыновей, а не только как угнетателей женщин. Подобный подход совпадает с руководящей идеей моего исследования: изучение хатун вносит вклад не только в историю монгольских женщин, но и в общую историографию Монгольской империи. Большинство теоретических подходов к изучению женщин в истории сосредоточены сегодня на таких практиках, как ношение хиджаба, многоженство, брачный статус и т. д., или на оценке выдающихся женских фигур из семьи пророка Мухаммеда (Хадиджи, Айши или Фатимы). Хотя некоторые из этих подходов могут быть достаточно плодотворными, большей частью их невозможно попросту экстраполировать на Монгольскую империю. Большинство исследований о женщинах в эпоху раннего ислама основывались на текстах правового и духовного характера, которые представляют собой тип описания, отличный от хроник, используемых в представленной здесь работе⁴. В большинстве случаев теоретические рамки, используемые при изучении роли женщин в истории Среднего Востока, ограничиваются современным периодом, поэтому было бы неуместно применять их к женщинам Монгольской империи не только из-за очевидной временной дистанции, но и из-за особенностей статуса монгольской женщины как члена алтайского кочевого общества. Поэтому было бы методологически неуместно рассматривать хатун исключительно с точки зрения гендерных исследований.

Выбранный для настоящего исследования метод основан на культурной/интеллектуальной истории, дополненной текстуальным, социально-историческим и контекстуальным анализом первоисточников. Наше понятие культуры отличается широтой и включает в себя не только интеллектуальные продукты конкретно взятого общества, но и политическую, религиозную и художественную деятельность женщин под монгольским владычеством [Chartier 1988: 47]. История культуры возродилась после критических выступлений в 1970-х годах, в рамках направления, именуемого Новой культурной историей, в которых подчеркивалась, в частности, значимость индивида в контексте общества, конструирование идентичности, представление гендера и идеологическое обоснование политических институтов [Burke 2004:74–88]. Несмотря на то что многие из этих теоретических концепций к настоящему времени подверглись немалой критике, они вполне применимы к историческим исследованиям, и современные историки культуры используют их в большинстве своих аналитических работ⁵. Хотя Питер Берк предположил, что влияние Новой культурной истории во многих областях подходит к

---

³ См., напр., [Birge 2002: 212–240; Zhao 2004: 3–26; 2008; Zhao, Guisso 2005:17–46; Dardess 1974: 7–52; Franke 1980: 23–43].

⁴ Напр., [Abbott 1942: 106–126].

⁵ В качестве примера этих концепций можно привести «историю высокой культуры», «культурную историю политики», «культурную историю насилия и эмоций» и «контакты между культурами»; см. [Burke 2004: 100–125].

концу [Там же: 125], Монгольская империя – это такая предметная область, в которой изучение культурной или интеллектуальной истории только начинается [Morgan 2015:271–282]. Большинство областей знания, в рамках которых культурная история расширила понимание прошлого, – а это такие сферы, как экономическая история, политическая история, интеллектуальная история и социальная история – не были исследованы в полной мере в отношении истории монголов [Burke 2004: 128–129].

Также важно осознавать присущую источникам предвзятость в пользу мужчин и признавать необходимость исчерпывающего сравнения исходного материала, дабы минимизировать воздействие субъективности. Подобные проблемы подчеркивали такие исследователи, как Фатима Мерниси, Рифаат Хасан и Барбара Стовассер, которые работали в основном с хадисами и коранической литературой⁶. При обращении к средневековым источникам крайне нелегко избежать определенной мужской предвзятости, поскольку о женщинах обычно говорится в терминах, характеризующих их отношения с мужчинами: они «жены», «дочери» и тому подобное. Поэтому источники, как правило, больше говорят нам о том, как женщины воспринимались с точки зрения мужчин, нежели о самих женщинах как таковых [Cortese, Calderini 2006:1]. Чтобы решить эту проблему, необходимо изучить все доступные источники и очень тщательно проанализировать тот политический, экономический и социальный контекст, в котором писали их авторы. Кроме того, комплексная интерпретация данных, полученных из различных типов текстов, таких как хроники, жизнеописания и повествования о путешествиях, позволяет нам выделить и представить модели социального восприятия женщин в разные периоды и в разных географических местах. Такая схема должна быть дополнена текстуальным анализом источников, чтобы уточнить, кому был адресован каждый текст, и учесть возможные мотивы автора. Кроме того, каждый полученный материал должен быть рассмотрен в своем собственном отдельном социально-историческом контексте. Как писал Джон Тош,

один из самых продуктивных способов постичь прошлое заключается в том, чтобы сосредоточиться на конкретном источнике и восстановить то, как он появился, используя все доступные средства – текстовый анализ, соответствующие документы из того же источника, современные комментарии и так далее [Tosh 2006: 100].

Благодаря текстуальному анализу и в рамках истории культуры мы надеемся лучше понять менталитет монгольских женщин. Эта область исследуется совсем недавно, поэтому необходимо иметь в виду важные методологические и документальные ограничения. Тем не менее особенности Монгольской империи и относительное обилие источников по данному периоду действительно формируют хорошую основу для изучения роли хатун в евразийских и средневосточных владениях этой державы. На протяжении всей этой книги будут рассматриваться такие историографические характеристики источников, как контекст, в котором создавался тот или иной документ, мотивация к созданию того или иного текста и конкретные обстоятельства жизни определенного автора. Особое внимание в этой связи следует уделить корпусу персидских материалов, которые составляют большую часть анализируемых здесь источников. Кроме того, хотя основной целью настоящей работы не является составление историографического обзора этого периода, характеристики конкретного текста и содержащиеся в нем предубеждения будут учитываться при интерпретации того или иного события или сообщения.

---

⁶ См., напр., [Mernissi 1993; Stowasser 1994; Cortese, Calderini 2006: 3].

Изучение женщин в Монгольской империи: обзор литературы

В то время как исследования по истории женщин на Среднем Востоке проводятся с 1940-х годов, работы на эту тему, когда речь идет о монголоведении, – относительно новое явление [Abbott 1942: 106–126; 1985; Fernea 1977; Keddie 1978; Morsy 1989; Fahmi 1990; Ahmed 1992; Roded 1999; Nashat, Beck 2003; Rapoport 2005; Cortese, Calderini 2006].

Роль женщины в средневековом евразийском обществе, несмотря на появление недавно некоторых исследований в этой сфере, практически не изучалась. Историки первой половины двадцатого века, хотя и были, по мнению их современных коллег, «старомодными» в своем подходе, открыли новые области исследований. Так было с Дугласом М. Данлопом, который в 1944 году опубликовал статью, посвященную племени кераитов, его связям с восточным христианством и историей о Пресвитере Иоанне [Dunlop 1944: 276–289]. Пытаясь проследить историю этого кочевого племени, Данлоп в своих исследованиях смог выявить некоторых из самых влиятельных женщин Монгольской империи. Вторая часть его статьи была посвящена идентификации этих женщин и некоторым наблюдениям. Данлоп смог выделить в источниках семь женщин, пять из которых принадлежали к племени кераитов. Однако, поскольку статья не была в первую очередь посвящена роли женщин, она оказалась полезна лишь в качестве первого шага⁷.

Работа Данлопа была продолжена и расширена в 1970-х годах, когда были опубликованы две статьи, посвященные исключительно монгольским женщинам, одна на английском (Моррис Россابي) и одна на французском (Поль Рачневский) языках [Ratchnevsky 1976; Rossabi 1979]. Статья Россابي вскоре стала самым важным исследованием о роли женщин в Монгольской империи, и с тех пор она цитируется почти в каждой публикации по истории монголов. Обе статьи внесли одинаково важный вклад в эту область и пролили свет на некоторые важные аспекты роли женщин в монгольском обществе. В них признается фундаментальная роль, которую играли женщины в империи, и оба автора согласны в толковании причины такого значимого положения женщин в обществе: сотрудничество полов было необходимо для выживания в «натуральном кочевом скотоводческом хозяйстве» [Rossabi 1994; Ratchnevsky 1976]. Сосредоточившись конкретно на женских ролях, авторы этих двух статей пошли дальше Данлопа. С одной стороны, Рачневский в своей статье следует тематической структуре, основанной на анализе роли монгольских женщин в экономике домохозяйства, в браке, в религиозной и политической жизни. Россابي, с другой стороны, основывает свое исследование на хронологическом описании хатунов. Оба исследователя пользовались схожими материалами, за исключением того, что Россابي более широко прибегал к китайским источникам. Однако персидские материалы использовались здесь немного, поскольку упоминаются только основные хроники, написанные Рашид ад-Дином и Джувайни, а большинство письменных свидетельств, оставленных плодовитыми ильханидскими историками, игнорируются полностью.

Первая попытка провести исследование положения и роли женщин в Иране при монголах была предпринята Ширин Байани [Bayani 1974]. Начальная часть этой новаторской работы посвящена женщинам в Иране домонгольского периода, затем следует глава, посвященная браку и организации семьи. Третья часть посвящена анализу различных женских институтов с целью изучения места монгольских женщин, принадлежащих к высшему классу, в иранском обществе. Последняя глава содержит краткие биографии наиболее значительных хатунов того

---

⁷ Среди упомянутых им Бортэ, Сорхатхани-беки, Абика (Ибака) – хатун, еще одна безымянная хатун, Докуз-хатун, Эрьюг-хатун и жена кераитского князя Иринджин (также дочь Тегудера), которая восстала против ильхана Абу Саида в XIV веке. Только первая и последняя из этих хатунов не принадлежали к племени кераитов.

периода, таких как Сорхатани-беки и Дорегене-хатун. Хотя эта работа является хорошим введением в тему, в ней использовано ограниченное количество нового материала из иранских региональных хроник. Энн К. С. Лэмбтон, с другой стороны, предлагает более глубокое исследование положения женщин в Монгольской империи, сосредоточившись только на иранских и персоязычных территориях (так считает и Хэмбли [Hambly 1998]). В одной из глав своей книги, посвященной истории Персии при сельджуках и монголах, Лэмбтон описывает роль женщин в политике, обществе и религии в средневековом Иране [Lambton 1988: 258–296]. Наиболее ценным элементом ее работы является обширная идентификация хатунов правящих семей Персии с XI по XIV век. Помимо некоторых отсылок к социальной роли женщин при этих двух династиях, использование Лэмбтон источников и признание ею преемственности социальных моделей в средневековом персидском обществе делает эту книгу одним из основных вторичных источников, использованных при подготовке настоящего исследования. В своей схожей по стилю книге Бахрие Учок приводит биографические сведения о некоторых тюркских женщинах, живших в Иране под монгольским владычеством [Uchok 1983]. Несмотря на то что в работе Учок рассказывается в основном только о жизни этих женщин, это исследование можно рассматривать как еще одно свидетельство того, что исследователи осознают роль, которую играли эти хатуны во времена Средневековья.

В течение десятилетия после выхода книги Лэмбтон в монголоведении утвердилась устойчивая картина положения женщин в Иране под монгольским владычеством⁸. Как бы то ни было, исследования женщин в монгольском Китае продолжились в конце 1980-х – начале 1990-х годов благодаря работе Дженнифер Холмгрен о брачных практиках династии Юань [Holmgren 1986, 1987, 1991]. Ее наблюдения относительно системы левирата и детальное изучение обмена между ханьским населением и степными завоевателями открыли новую перспективу для изучения роли женщин в Монгольской империи в Китае. Далее, в 2002 году, последовала работа Беттины Бирге [Birge 2003]. Только в 1998 году, когда Гэвин Хэмбли выпустил книгу о женщинах в исламском мире, интерес к изучению роли женщин среди историков исламского Средневековья в научной среде восстановился [Hambly 1998: 3-27]. Во введении справедливо указано на обширный материал, имеющийся в этой области исследования, и на благоприятные возможности для дальнейшего изучения, которые открываются в этой тематике⁹. Практически одновременно вышла в свет статья Джеймса Д. Райана, анализирующая отношения между Папой Римским и женщинами Монгольского двора в Иране, которая немного проливает свет на роль женщин в период дипломатических контактов между монголами и Европой во второй половине XIII века [Ryan 1998].

Всего через год после того, как Хэмбли была подчеркнута важность изучения женщин средневекового Ирана для истории этого периода, Чарльз Мелвилл опубликовал краткую, но превосходную работу о последних годах Государства Хулагуидов [Melville 1999]. Хотя в намерения Мелвилла не входило специально исследовать роль женщин в Иране, он обнаружил, что во время правления Абу Саида (ум. 1335) их активность была неизменно высокой [Там же: 14–16]. Хотя в другом месте я уже предлагал выделить различия «в форме» влияния женщин в политических делах до и после середины XIII века [Nicola 2006–2007], важно подчеркнуть непрерывность политического влияния женщин в государстве со времен Чингисхана до конца монгольского правления в Иране.

В 2003 году на конференции, проходившей в Торонто, Джордж Чжао представил доклад о матримониальных связях между китайской династией Юань и корейской династией Корё [Zhao 2004: 3-26]. Там впервые в некоторой части была оспорена аргументация, изложенная

⁸ Исключение составляют замечания Фатимы Мерниси о некоторых женщинах в Монгольской империи, в основном основанные на вторичной библиографии и арабских хрониках [Mernissi 1993].

⁹ Например: «Помимо женщин-суфиев, изучению женщин в качестве наставниц и передатчиц знаний также не уделялось должного внимания» [Hambly 1998:8].

в упомянутых выше статьях 1970-х годов, где Россابي, в частности, утверждает, что дочери Хубилая не были столь влиятельны, как его мать и жена [Rossabi 1979: 172]. Это в некоторой степени оправдывает то, что Россابي не упомянул о ханских отпрысках женского пола в своей статье 1979 года. Однако Чжао оспорил этот довод, обратившись к официальной истории корейской династии, где упоминается влияние монгольских женщин [Zhao 2004: 20]. Этот факт, а также новый подход к «Корёсе»¹⁰, хорошо известному для историков Кореи источнику, убедительно показывает, в каком направлении могут быть предприняты дальнейшие исследования в области изучения роли женщин при монгольском правлении.

Наконец, в 2006 году Джордж Лейн посвятил женщинам целую главу в своей книге «Повседневная жизнь в Монгольской империи» (*Daily Life in the Mongol Empire*) [Lane 2006: 227–256]. Эта работа служит замечательным введением в проблематику роли женщин; автор постоянно ссылается на первоисточники. Она имеет скорее описательный, нежели аналитический характер, но ее заслуженно можно считать первой работой со времен Лэмбтон, где целая глава посвящена женщинам, что свидетельствует о том, что в монголоведении наметилась тенденция перехода к исследованиям в рамках культурной истории, как это предсказывал Дэвид Морган [Morgan 2015: 271–282].

Ряд исследований, предшествовавших этой книге, имеют огромное значение как первые исследования, посвященные более комплексному анализу роли женщин в Монгольской империи. Прежде всего, это новаторская работа Карин Кваде-Ройтгер, которая в 2003 году представила свое докторское исследование о женщинах в Иране в монгольский и тимуридский периоды. К сожалению, эта диссертация так и не была оформлена в виде монографии, что ограничивает ее доступность как для исследователей, так и для широкой публики. Эта работа не только представляет собой весомый вклад в изучение политического влияния женщин в средневековом Иране, но и отличается широким использованием оригинальных персидских источников. Сфера исследования ограничена исключительно Ираном, поэтому в нем не затрагиваются общие вопросы о роли женщин в Монгольской империи в целом. Кроме того, в ее исследовании рассматривается роль нечингизидских монарших женщин из таких регионов, как Керман и Фарс, а также предпринимается попытка изучения периода тимуридов, где, несмотря на относительную скудность источников, было выявлено большое количество влиятельных женщин. В целом благодаря тщательному анализу источников и четкому хронологическому изложению результатов, проведенному Кваде-Ройтгер, эта работа подготовила почву для всех желающих поработать над изучением женщин в Государстве Хулагуидов.

Во-вторых, совсем недавно (в 2007 году) в Турции была представлена еще одна диссертация за авторством Нильгюн Далькесен, которая проанализировала гендерные роли в кочевых обществах Центральной Азии и Анатолии с XIII по XVI столетие. Что касается монгольского периода, ее исследование в основном сосредоточено на гендерных отношениях и противоречиях, присущих сосуществованию системы исламского права (шариата) и монгольского обычного права (ясака). Хотя по подходу и масштабу это исследование отличается от настоящей книги, использование Далькесен турецкой литературы и ее внимание к Центральной Азии и Среднему Востоку как единому пространству являются полезным вкладом в сферу нашего исследования.

Наконец, в 2008 году Джордж Чжао опубликовал монографию, основанную на его докторской диссертации о монгольских женщинах в Монгольской империи с особым упором на китайскую династию Юань [Zhao 2008]. В книге в основном анализируются брачные союзы, заключавшиеся чингизидами с различными монгольскими племенами. Чжао предполагает, что существовало два типа брачных союзов: односторонние и двусторонние. Такая классификация позволила Чжао провести различие между теми группами населения, которые отдавали

¹⁰ «История Корё», официальная история династии Корё.

своих женщин в жены монгольской монаршей семье, но не женились на женщинах чингизидов в ответ (онгуты, уйгуры, корейцы и китайцы), и теми, которые заключали браки в обоих направлениях (онгираты, икрии и ойраты). Эта работа также представляет собой интересное исследование, которое имеет общие темы с настоящей книгой (особенно с главой 2), но вместо того, чтобы рассматривать развитие Монгольской империи в Западной Азии, внимание в ней фокусируется на Востоке.

С 2011 года, когда была издана основная часть работ, представляющих интерес для настоящего исследования, вышел еще ряд интересных публикаций в этой области¹¹. В частности, чрезвычайно важна статья Йонатана Брака о предполагаемом путешествии монгольской женщины в Мекку и Медину для совершения хаджа [Brack 2011]. Это уникальный рассказ об Кутлуг-хатун, дочери Абака-хана, совершавшей мусульманское паломничество в XIV веке. Этот пример не только подсвечивает интересную точку зрения, представленную мамлюкскими источниками, но и предлагает некоторые любопытные сведения об исламизации монгольских женщин и их религиозной принадлежности после обращения Газан-хана в ислам в 1294 году [Там же: 358].

Также в этом кратком обзоре литературных источников стоит упомянуть статью Хенды Гилли-Элеви, вышедшую в свет в 2012 году [Gilli-Elewy 2012]. Ее статья посвящена последним десятилетиям правления хулагуидов; в ней исследуется взаимосвязь между исламизацией монголов в Иране, сохранением монгольских традиционных ценностей и дроблением политической власти в регионе после смерти Абу Саида в 1335 году. В этом контексте автор уделяет особое внимание роли женщин в этот период, возвращаясь к некоторым вопросам, затронутым Чарльзом Мелвиллом в упомянутой выше работе.

Во время внесения последних правок в рукопись этой книги мне стало известно о двух важных новых публикациях, которые я постарался включить в работу в последний момент. С одной стороны, в новой статье Анны Бродбридж о практике межплеменных браков ойратов и чингизидов предлагается качественный обзор той роли, которую сыграли женщины этого племени в истории Монгольской империи [Broadbridge 2016]. С другой стороны, я использовал, особенно для главы 1, недавно представленную докторскую диссертацию Йонатана Брака, который углубленно исследует политическую преемственность в Государстве Хулагуидов, где женщины играли ключевую роль [Brack 2016]. Наконец, я сам опубликовал несколько научных статей о роли женщин в Анатолии, Иране и Центральной Азии, которые дополняют исследования последних лет в этой области и вносят вклад в представленное здесь более углубленное исследование роли женщин в Иране при хулагуидах [Nicola 2013, 2014a, 2014b].

---

¹¹ В 2010 году Уэзерфорд опубликовал книгу о женщинах Чингисхана. Хотя в ней чередуются история и беллетристика, ее публикация и относительный успех свидетельствуют о растущем интересе к этой теме не только со стороны ученых, но и у широкой читательской аудитории [Weatherford 2010].

Исторические источники для исследования роли женщин в Монгольской империи

Учитывая масштабы завоеваний Монгольской империи, изучение ее истории неизбежно подразумевает исследование истории не только кочевников-завоевателей, но и тех обществ, которые взаимодействовали с ними как союзники, враги или подвластные им народы [Moses, Halkovic 1985: iii]. Масштабы монгольских владений и влияние монгольского завоевания на менталитет покоренных народов делают этот период богатым с точки зрения имеющихся письменных материалов, но в то же время представляет проблему то, как именно в источниках представлены исторические нарративы¹².

За исключением небольшого числа упомянутых ниже, подавляющее большинство источников по Монгольской империи были составлены представителями тех народов, которые были побеждены и завоеваны монголами, либо теми, кто находился в услужении у того или иного нового монгольского правителя. Исходя из этого, информация, представленная в этих источниках, до крайности необъективна, и к ней нужно подходить с осторожностью. Чтобы минимизировать это обстоятельство, в ходе исследования я постарался максимально контекстуализировать эти работы и по возможности рассматривать их как продукт времени, места и обстоятельств, в которых находился автор. В этом разделе не будет дано исчерпывающее описание источников, использованных в настоящем исследовании, а, скорее, выделены наиболее важные из них и указано на особую ценность, которую определенные источники имели для конкретных областей исследования. То, насколько разнообразны источники по этому периоду, очевидно из организации представленного раздела; такое разнообразие делает возможным сравнение и сопоставление различных взглядов и интерпретаций определенных явлений. В нижеследующее краткое изложение включены только те источники, которые наиболее актуальны для настоящего исследования, поэтому некоторые из них, хотя и важные для изучения Монгольской империи, но имеющие меньшую значимость с точки зрения исследования роли женщин, из этого краткого обзора были исключены.

Персидские источники

В различных главах этой книги в изложение особо привлекаются персидские источники. Чтобы представить их в упорядоченной форме, их возможно сгруппировать в три основные категории. Во-первых, в настоящее исследование включены те работы, которые можно считать официальными придворными хрониками, появившимися на свет в различные периоды существования Монгольской империи. Несмотря на отсутствие китайских институциональных механизмов для составления историй, персидские историки того времени, тем не менее, смогли создать большое разнообразие «официальных хроник» [Morgan 2007: 8]. В «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина (ум. 1318), хотя это не самое раннее произведение, содержится наиболее полный рассказ о монголах¹³. Рашид ад-Дин, будучи евреем по происхождению, принял ислам и сделал стремительную карьеру в монгольской управленческой системе, став в итоге великим визирем Газан-хана (пр. 1295–1304) [Thackston 1998; Kamola 2013]. Не углубляясь в историографию, составленную Рашид ад-Дином, или нюансы его творчества, важно подчеркнуть тот

---

¹² Краткое описание основных источников периода см. [Browne 1928: 62-104].

¹³ В качестве основного здесь использовано издание [Rawshan, Musavi 1994] в переводе Бойла [Boyle 1971]. Однако иногда я использую неполную версию [Jahn 1940]. Кроме того, я также обращаюсь к сборнику Карими, где содержатся другие отредактированные версии хроники [Karimi 1988–1989]. Использовано также несколько переводов [Thackston 1998; Boyle 1971; Quatremere 1968].

факт, что создание этого массивного и дорогостоящего труда, скорее всего, было плодом коллективных усилий, а не индивидуального начинания¹⁴. Работа эта была заказана двумя сменявшими друг друга монгольскими ильханами (Газаном и Олджейту), что имело двойственные последствия для этого произведения как источника, о чем необходимо помнить на протяжении всей этой книги [Melville 1999]. С одной стороны, такая близость к Монгольскому двору, безусловно, повлияла на то, что персидский визирь писал о «монгольском прошлом». Как мы увидим далее, некоторые моменты его труда явно демонстрируют благосклонность к определенной монгольской фракции (в основном к толуидам) или предвзятость при оценке деяний, например, его покровителя Газан-хана. Однако он также «удивительно откровенен в отношении недостатков раннего монгольского правления в Персии, но редко его открыто осуждает, почти не высказывая своего личного мнения» [Quinn 1989: 231]. С другой стороны, та же близость ко двору дает нам возможность из первых рук узнать о монгольской традиции и современных автору событиях в империи, которые вряд ли можно было бы обнаружить в любом другом повествовании о монголах того времени.

Столь тесные отношения, которые Рашид ад-Дин поддерживал с представителями монгольской знати в Иране (как мужчинами, так и женщинами), позволили ему включить в свою хронику информацию, уникальную как по детализации, так и по объему. Содержащиеся в его сочинении сведения имеют огромное значение для изучения Монгольской империи в целом и для этой книги в частности. Подробное описание автором женщин не только предоставляет нам их имена и генеалогические связи, что само по себе является особой редкостью, но и полезно для выяснения роли монгольских женщин в обществе с персидской точки зрения. Более того, интерес к генеалогии, проявленный в «Джами' ат-таварих», наблюдается и в другой работе Рашид ад-Дина, созданной несколькими годами позже. «Шу'аб-е панджгане» – сборник генеалогических древ, описывающих семейные связи франков, монголов, китайцев, арабов-мусульман и евреев от их начала до времени создателя сборника¹⁵. Возможно, потому, что сохранилась только единственная рукопись этого произведения, оно до сих пор привлекало мало внимания историков¹⁶. Эта рукопись является ценным дополнением к информации, содержащейся в «Джами' ат-таварих», хотя в отношении женщин она мало что добавляет к тому, что мы находим в первой работе Рашид ад-Дина. Помимо того, в этом более позднем труде автор по-прежнему следует традиции ведения генеалогических записей тюркомонгольского населения. Анонимный список «Му'изз аль-ансаб» был завершён в 1426 году при династии тимуридов в Центральной Азии и стал довольно популярным в Индии при Моголах начиная с XVI века¹⁷. Обе рукописи служат важными дополнительными источниками по истории Монгольской империи и ее государств-преемников, особенно в отношении генеалогических связей и семейных союзов [Boyle 1997].

В своем повествовании о раннем периоде империи Рашид ад-Дин в значительной степени опирался на труд другого персидского чиновника, Ата Малика Джувайни. Его труд «Тарихи и джахангушай» [Jame]¹⁸ охватывает время от возвышения Чингисхана до вторжения Хулагу на Средний Восток и основывается по большей части на опыте жизни автора при дворе. Джувайни рассказывает о женщинах лишь выборочно; здесь не хватает тех подробных и систематических упоминаний о них, которые мы видим у Рашид ад-Дина. Хотя Джувайни писал для

¹⁴ О китайском посланнике в Иране по имени Болад и его роли как источника информации для Рашид ад-Дина см. [Allsen 1996].

¹⁵ Я благодарен Шаю Ширу за предоставленные мне фотографии этой рукописи.

¹⁶ Muizz al-ansab. Bibliothèque nationale, ancient fonds, Persian, Paris, ms. 67. О истории рукописи см. [Sultanov 1996: 3–7]. Другие рукописи «Му'изз аль-ансаб», переписанные в Индии, можно найти в Британской библиотеке в Лондоне, оп. 467 и 14306.

¹⁷ Сравнительный анализ этих источников см. [Quinn 1989: 229–253].

¹⁸ О некоторых последних исследованиях, посвященных Джувайни, см. [Rav-alde 2016: 55–78; Koblas 2016: 155–171].

монголов и пытался представить их как освободителей ислама, а не, например, исмаилитов, в вопросе о завоевании Ирана он придерживается более «морализаторского тона», чем Рашид ад-Дин [Lane 2003]. В отличие от Рашид ад-Дина, Джувайни состоял на службе у монголов на раннем этапе существования империи, во время правления Мункэ (пр. 1251–1259) и вплоть до правления Абаки (пр. 1265–1282) [Muhaddith 2003]. Находясь в начале своей карьеры в основном в Хорасане, а затем в Ираке, он, предположительно, имел меньше прямых контактов, чем Рашид ад-Дин, не только с теми монгольскими женщинами, которые прибыли в Иран в XIII веке, но и с теми хатунами, которые родились и выросли в Иране. «Тарих-и джахангушай» еще более ограничен в отношении женщин тем, что рассказ о них заканчивается до падения Багдада в 1258 году. Характер информации также отличается: Джувайни упоминает о дамах Монгольского двора только тогда, когда нужно описать какой-то случай или событие, к которому причастна та или иная женщина. Хотя в «Тарих-и джахангушай» фигурирует меньше женщин, чем в «Джами' ат-таварих», тем не менее информация об участии женщин в жизни общества здесь нередко представлена богаче. Оба автора были близки к Монгольскому двору и участвовали в управлении Государством Хулагуидов и, следовательно, были склонны отдавать предпочтение какой-либо конкретной линии, происходящей от Чингисхана (толуидов), которой они оба служили. В «Тарих-и джахангушай» не только предлагается более полное описание политических событий, но и дается уникальное представление о трансформации монгольского общества во время его перехода из степей в Иран. Работа Джувайни представляет особую ценность благодаря его рассказу о раннем периоде монгольского правления, когда вся империя была объединена и когда женщины были вовлечены в управление державой. Наконец, краткое сочинение Байдави «Низам ат-таварих» некоторым образом заполняет пробел между этими двумя крупными историческими источниками¹⁹. Однако, несмотря на то что это один из основных источников того периода, сведений о монгольских женщинах в них немного [Habibi 1963–1964; Raverty 1881].

Другие хроники этого периода представляют собой значительный контраст с «официальными версиями», предложенными Джувайни и Рашид ад-Дином. Среди них «Табакат-и Насири» – повествование, современное Джувайни [Morgan 1982a: 110–111], составленное Минхадж ад-Дином Сараджем Джуджани. Мотивация этого автора отличается от двух других тем, что он стал жертвой первого монгольского нашествия на Средний Восток. Вынужденный отправиться из Ирана в изгнание, он не имел необходимости оправдывать присутствие монголов; в своей предвзятости он исходит из противоположного и предлагает свое альтернативное повествование о нашествии [Isfahani 1853]²⁰. То, что Джуджани не был близок к Монгольскому двору, вероятно, не позволяло ему много узнать о хатунах, потому он и рассказывает о них меньше.

В начале XIV века Ширази Вассаф представил части своей истории о Хулагуидах Газанхану (ум. 1304), а более поздние ее части – его преемнику Олджейту (ум. 1316) [Encyclopaedia]. Хотя этот текст исходит от протеже Рашид ад-Дина, в нем содержится важная информация об управлении провинциями на юге Ирана, что делает его актуальным для любого исследования роли женщин в Государстве Хулагуидов, за пределами Монгольского двора²¹. Нельзя не отметить сходство между личным опытом Вассафа и карьерой Хамд-уллаха Мустафи (ум. 1344), другого плодотворного летописца XIV века [Qazvini 1903; Browne 1910–1913; Qazvini 2008; Madayini 2001; Ward 1983]. В этой книге мы сосредоточимся в основном на трех его работах, среди которых «Тарих-и гозидэ» и «Зафарнама» (более исторические повествования) и «Ноз-

¹⁹ Анализ этих источников см. [Melville 2001: 67–86; 2007: 7–64].

²⁰ Сокращенную версию см. [Ayati 2004]. Обзор об авторе и текстах см. [Pfeiffer 2007].

²¹ См. [Encyclopaedia].

хат ал-кулуб», посвященная в основном космографии и географии Ирана и Центральной Азии [Hambly 2005].

Наиболее подробный рассказ о Монгольском дворе после смерти Газан-хана содержится в «Тарих-и Олджейту» Кашани, который следует повествовательной структуре сочинения Рашид ад-Дина, а особенно интересным делает его описание генеалогических связей и повествования о женских персонах при дворе Олджейту [Banakati 2000]. Будут рассмотрены и другие исторические труды на персидском языке монгольского периода, несмотря на то что некоторые из них, такие как труд Банакати, не могут сравниться по объему сведений о женщинах с уже упомянутыми выше. Тем не менее, как и «Маджма' ал-ансаб» Шабанкараи (ум. 1358), Банакати дает полезную информацию о Государстве Хулагуидов в период после 1304 года [Walbridge 1993; Niazı 2014].

Начиная с XIV века и далее другие крупные хроники также включали информацию о монгольском периоде. Недавно стала доступна краткая хроника об истории монголов в Иране. Текст появился в составе «маджму а» (рукописи-сборника, содержащего различные произведения) и приписывается известному богослову Кутбад-Дину Ширази (ум. 1311) [Shirazi 2010; Lane 2012: 541–559]. Повествование ведется по годам, включая правление Хулагу, Абаки и Тегудера, и заканчивается примерно в 1284 году [Bayani 1971]²². Несмотря на краткость, в этой хронике встречаются любопытные упоминания о женщинах, как будет видно в главе 3.

Несмотря на конец династии Хулагуидов в 1335 году, те отдельные государства, которые возникли после распада монгольского правления в Иране и последующего воссоединения при Тамерлане, обращались к монгольской истории за легитимацией своего правления. Информация о женщинах в этих источниках выборочна и сосредоточена на некоторых женских персонах, живших в последние годы существования единого Государства Хулагуидов и в период политической раздробленности, последовавшей за его распадом. В этом контексте хроники Хафиз-и Аbru (ум. 1430), «Тарих-и Хабиб ас-Сияр» Гияс ад-Дина Хандемира и более поздние среднеазиатские «Тарих-и Рашиди» [Thackston 1994; Ross 1970] полезны не только с точки зрения сопоставления с информацией более современных повествований, но и в плане понимания того «наследия», которое монгольское владычество оставило в этом регионе [Melville 2000: 7–14].

Вторая группа персидских источников, используемых в настоящем исследовании, включает в себя хроники, созданные местными династиями монголов: их обычно именуют «региональными историями» [Kirmani 1983–1984; Shirazi 1972; Meynard 1860–1861; Afshar 1978; Aqsara'i 1944; Jalali 1999]. Особое внимание уделяется хроникам, составленным в тех регионах Ирана, которыми в монгольский период управляли женщины. В этом отношении некоторые местные источники дают полезную информацию об управлении провинцией Фарс и позволяют взглянуть на ситуацию с другой точки зрения, нежели источники, созданные при центральном дворе [Parizi 1976–1977]. Аналогичным образом подробно анализируется провинция Керман при династии кутлугханидов, не только из-за ее тесных связей с Ильханидским двором, но и по той причине, что в XIII веке одним из этих регионов управляли женщины. Информация, представленная в анонимной хронике «Тарихи-и Кара-Хитайан», в этом отношении в некотором роде уникальна, поскольку она была заказана женщиной для изложения истории правления ее матери [Melville 2006a; Muttahidin 2011; Jalali 1999]. Наконец, в местных хрониках, созданных на других зависимых от монголов территориях, например в Анатолии, можно встретить качественно изложенный «посторонний» взгляд на историю Государства Хулагуидов в целом и женщин в нем в частности. Любопытные сведения о женщинах содержатся в работах Наср ад-Дина Ибн Биби, Карим ад-Дина Аксарайи и анонимного историка из Коньи, если упоминать только самые известные из них [Paul 1990].

²² Также см. [Hafez-e Abru].

В третьей и последней категории персидских источников имеется иной тип сведений, который выделяется по своей природе. В XIII веке, и особенно в начале XIV века, на Среднем Востоке наблюдалось распространение суфизма и постепенная организация суфиев в ордена (*тарикаты*), в которых постепенно создавался особый жанр литературы, не предназначенный для строгого исторического анализа, а скорее представлявший собой рассказы-жизнеописания религиозных личностей или святых, чему в этот период сопутствовал набиравший силу мистический подход к исламу. Авторы такого рода произведений, известных как «агиографическая литература», старались включить в них достоверные факты, чтобы вызвать доверие у читателей, которых они пытались привлечь к кругу последователей определенного суфийского наставника [Majd 1994; Yazici 1959–1961; Visal 1985–1986]. Такие источники особенно актуальны для настоящего исследования в том смысле, что они позволяют судить о повседневных занятиях и индивидуальной роли женщин в религиозной жизни монгольского Ирана, о тех сторонах женской жизни, которые обычно не освещаются в исторических хрониках. В частности, такие произведения, как «Сафват ас-сафа» и «Манакиб аль-арифин», дополняют те сведения о жизни женщин в Монгольской империи, которые можно почерпнуть из других источников [Morton 2004; Darke 1961; Darke 1978]. Кроме того, здесь также иногда используются персидские источники, созданные в сельджукский период, с той целью, чтобы обнаружить закономерности преемственности и/или трансформации в Иране до и после прихода монголов [Morgan 1986: 8, 45].

Монгольские и китайские источники

Парадоксально, но факт: количество пригодных для изучения Монгольской империи источников, написанных самими монголами, довольно невелико. Такое ограниченное количество письменных источников именно монгольского происхождения связано с тем, что монголы представляли собой кочевое общество без письменности, пока сам Чингисхан не приказал писать на монгольском языке уйгурскими буквами. Несмотря на это повеление хана, основные монгольские источники, которыми мы располагаем, дошли до нас не в уйгурском написании, а в виде фонетической транскрипции монгольского языка китайскими иероглифами [Rachewiltz 2004]. Текст, который обычно именуют «Тайной историей монголов», является единственным сохранившимся источником, написанным не только для монголов, но и самими монголами во времена Монгольской империи. Эта уникальная особенность делает его наиболее востребованным в свете наших попыток изучить роль женщин в доимперской Монголии [Bawden 1955]. Более поздний монгольский источник, известный как «Алтай Тобчи», также будет иногда здесь использоваться для изучения того, как некоторые из повествований «Тайной истории...» распространялись среди самих монголов [Cleaves 1956: 185–303, 1979–1980: 138–150; Zhao 2008: 237–262; Hambis 1945]. Поскольку книга была написана в конце XVI – начале XVII века, когда большая часть населения Монголии приняла буддизм, период правления Чингисхана и его преемников обычно описывается в буддийских рамках, что делает рассказ потенциально подверженным некоторой степени предвзятости.

Наиболее ценным источником информации о монголах является написанный китайскими авторами текст «Юань ши», или «Официальная история китайской династии Юань» (1279–1368). Она была составлена в первые годы правления династии Мин (1368–1644) в соответствии с китайской традицией, согласно которой каждой новой династии империи вменялось в обязанность письменно запечатлеть историю своих предшественников. Хотя «Официальная история китайской династии Юань» сводится в основном к перечислению политических и генеалогических фактов, раздел, посвященный биографиям принцесс и императриц,

является для настоящей книги более чем актуальным [Waley 1931]²³. Помимо этой официальной китайской истории монгольской династии, имеются и другие источники, относящиеся к этому периоду, доступные в переводе. Например, Артур Уэйли перевел рассказ о путешествии даосского мастера Чан Чуня из монастыря в Китае в Центральную Азию для встречи с Чингисханом [Olbricht 1980]²⁴. Кроме того, до нас также дошли некоторые отчеты послов к Чингисхану китайской династии Сун, которые можно найти в переводах. В них содержится ограниченная информация о монгольских женщинах, но они служат прекрасным примером восточного взгляда на монголов, который дополняет западные представления, оставленные европейскими путешественниками²⁵.

Европейские источники

Монгольская экспансия на территории Евразии вызывала не только страх, но и любопытство европейских королевств. Короли, купцы и сам Папа Римский отправили несколько посольств на монгольские территории, чтобы установить дипломатические контакты, завязать экономические связи и (предположительно) шпионить за этими неведомыми кочевниками с Востока. Среди этой европейской группы источников наиболее изученным и значимым кажется «11 Milione» Марко Поло [Polo 1903, 1938]²⁶. Ввиду популярности Поло, различные издания его книги были доступны в переводах и аннотированы учеными с конца XIX века. В настоящем исследовании в основном использовано два издания: первое – перевод сэра Генри Юла, опубликованный в конце XIX века, и второе – издание Поля Пеллио и Артура К. Моула, вышедшее в первой половине XX века²⁷. Несмотря на то что эти два издания довольно старые, они остаются, на мой взгляд, до сих пор наиболее полными и исчерпывающими переводами и аннотациями.

Если Марко Поло ставил своей главной целью сохранить отчет о своих приключениях и доказать, что Азиатский континент обладает коммерческим потенциалом, то другие европейские путешественники имели другие задачи. В империю монголов отправлялись также священники и монахи, которые оставили после себя различные рассказы о жизни кочевников. Наиболее полные из них принадлежат Иоанну Пьяно де Карпини и Гильо-му де Рубрук, чьи повествования, похоже, ориентированы на более «антропологическую» перспективу. Сведения, предоставленные этими двумя священнослужителями, имеют особое значение для нашего исследования, поскольку благодаря их встречам с монгольскими женщинами нам открывается возможность получить уникальные описания этих дам из первых рук. Существуют и другие свидетельства европейцев, относящиеся к более позднему периоду, чем рассказы Карпини и Рубрука. Например, полезными дополнениями к ним являются отчет монаха Одорика де Порденоне (между 1316 и 1330 гг.) и связанная с ним коллекция документов, касающихся дипломатических контактов между Ватиканом, европейскими королевствами и Государством Хулагуидов²⁸. Наконец, завоевание монголами Среднего Востока позволило некоторым европейским королевствам заполучить потенциального союзника против общего врага – мамлюков Египта [Guzman 1971; Holt 1986; Mostaert, Cleaves 1963; Pfeiffer 2006a; Bruguera 1991]. Дипломатические связи между монголами и Европой и некоторые письма, которыми они обмени-

---

²³ Кроме того, некоторые мысли о государственном управлении китайского чиновника Ех-Лю Чу'у-Ц'ай были переведены де Рахевильцем [Rachewiltz 1962].

²⁴ Благодарю Энн Ф. Бродбридж за то, что она указала мне на этот источник.

²⁵ О взаимосвязях между монголами и Европой см. среди прочих [Richard 1977a, 1977b; Jackson 2005].

²⁶ Любопытное исследование повествования Марко Поло можно найти в [Olschki 1960].

²⁷ Оба можно найти у [Dawson 1955]; имеется также два хорошо аннотированных перевода [Rockhill 1900; Jackson 1990].

²⁸ Перевод некоторых из этих документов и описание путешествий Одорика де Порденоне см. [Yule 1913–1916].

вались, дают ценную информацию о европейско-монгольских отношениях [Blake, Frye 1949; Fiey 1975].

Рассказы средневековых европейских путешественников, странствующих по монгольским территориям, имеют некоторые общие черты в том смысле, что все они, как правило, несут в себе предубеждение в пользу веры тех или иных путешественников (христиан-католиков) и против религии людей, с которыми они сталкиваются (мусульман, буддистов, восточных христиан, шаманистов и так далее). Они склонны подчеркивать «нечистые» практики «неверующих», иногда чрезмерно, или слишком быстро придают достоверность негативным легендам и историям, которые им рассказывают. Это связано с неизбежными «границами восприятия» этих путешественников, внешне обозначенными маршрутами, которыми они передвигались, людьми, которых они встречали, и доступом к надежным источникам информации (или отсутствием таковых). В то же время следует помнить, что целевая аудитория была различной для «религиозных рассказов» священников, посылаемых папой, и «светских» рассказов, написанных такими путешественниками-торговцами, как, например, Марко Поло. С одной стороны, священники пытались создать реалистичный образ монголов (с целью предоставить папе достоверную информацию, например, о шансах обращения монголов в христианство), в то же время стремясь укрепить «высшую благочестивость» христианства. С другой стороны, путешественники были менее рассудительны в религиозных вопросах, но скорее стремились акцентировать деловые возможности своих коммерческих предприятий, подчеркивая в то же время опасности, через которые им пришлось пройти, чтобы добиться успеха в своих начинаниях.

Востонохристианские источники

Монгольские нашествия на Средний Восток особым образом отразились на христианских общинах региона. Рассказы грузинских, армянских и несторианских священнослужителей в целом создают неоднозначное представление о новоприбывших, изображая их либо безжалостными недругами, либо спасителями христианства по отношению к мусульманскому большинству региона. Такие расхождения во взглядах породили предвзятые повествования, в которых иногда преувеличивается степень симпатии монголов к христианству или просто придумываются факты якобы обращения в христианство некоторых членов правящей монгольской семьи. Монгольские женщины также были объектами такой христианской предвзятости: иногда их ложно изображали как дурно обращающихся с мусульманами, а иногда – как христианских святых (в некоторых сирийских иконографиях) [Brosset 1849–1857; Michell, Forbes 1914]. Отдавая себе отчет в таких предубеждениях авторов источников, мы, тем не менее, можем почерпнуть здесь ценный материал, который дополнит информацию из других источников, созданных другими сообществами.

До нас дошли некоторые, полезные для наших целей хроники этих христианских общин, которые призваны либо подчеркнуть борьбу или подвиги конкретного христианского царства, либо послужить пропагандистским целям привлечения западных королевств к новому крестовому походу на Средний Восток. Грузинские и русские источники можно рассматривать как примеры первой тенденции, в то время как армянские рассказы обычно отражают второе, менее явное, направление²⁹. Хрестоматийным примером такой пропагандистской тенденции является книга «Fleur des es-toires d’Orient» («Цветник историй земель Востока») армянина Хетума Патмича (брат Хайтон), изданная в Пуатье в начале XIV века и содержащая рассказ о

²⁹ См. перевод с армянского в [Наyton]. Эта книга была очень популярна в Западной Европе до конца XVI века и не раз переводилась на романские языки. См. древнеанглийскую версию [Наyton 1988]; французское издание [Наyton 1585]; испанская версия [Наyton 1595].

монгольских вторжениях [Bedrosian 1986; Smpad 1959; Thomson 1989; Orbelian 1864; Dulaurier 2001]. Помимо книги отца Хайтона, до нас дошли и другие армянские источники, дополняющие взгляд восточных христиан на монголов и их приход на Средний Восток [Aigle 2008b; Lane 1999a].

Наконец, следует особо упомянуть о всеобщей истории, написанной якобитским монахом Бар-Эбреем (Абуль-Фарадж бин Харун) [Lane 2003; Aigle 2005a]. В ней рассказывается о развитии человечества от Адама до даты смерти автора в 1286 году. В некотором смысле этот источник заметно отличается от остальных доступных восточнохристианских религиозных источников, поскольку он, по-видимому, был рассчитан на более широкую читательскую аудиторию, что подтверждается тем фактом, что автора попросили подготовить арабскую версию его сирийских хроник. Рассказ Бар-Эбрея о христианских женщинах [Budge 2003] при дворе важен для нашего обсуждения, поскольку он дает представление о религиозности³⁰ многих монгольских женщин, хотя и отмеченное его собственным³¹ восприятием.

Как и в случае с Рашид ад-Дином, близкие отношения Бар-Эбрея с монголами и монгольскими хатунами при дворе обеспечили его ценной информацией, в то же время повлияв на объективность его исторических трудов [Budge 1928; Rossabi 1992; Borbone 2009].

Нечто подобное представляет собой другое восточнохристианское повествование о путешествии из Китая в Европу через Средний Восток посланника Кубилая к Папе Римскому и королевствам Европы. Путешествие монахов Раббана Маркоса (впоследствии патриарха Мар Ябалаха III) и Раббана Саума на Запад интересно не только своим описанием Европы глазами монгольского подданного, но и подробным рассказом о внутренних делах Государства Хулагуидов, которое он посетил, проходя через Иран по пути из Китая [Amitai 2001a; Jackson 2000: 210; Ashtor 1961; Little 1970].

В целом в восточнохристианских источниках особое внимание уделяется монгольским женщинам-христианкам, что позволяет нам получить более достоверную картину положения этих женщин на Среднем Востоке, в той мере, в какой эта картина может быть противопоставлена той, что получена из персидско-мусульманских источников.

Арабские источники

В последние десятилетия арабские источники стали более интенсивно использоваться для изучения истории Монгольской империи [Richards 1998; Qumayhah, Shams al-Din 2004–2005; Sadeque 1956]³². В большинстве своем эти источники были созданы рассказчиками, жившими в мамлюкском Египте, и, как следствие, представленный в них образ монголов скорее негативный. Однако, несмотря на враждебное отношение к монголам Ирана, некоторые из этих источников предоставляют ценную информацию о монголах Золотой Орды, которые, разделяя с султанами Египта антагонизм по отношению к ильханам, в середине XIII века стали союзниками мамлюков [Holt 1983; Gabrieli 1957; Richards 2002; Richards 2006–2008; Broadhurst 1980; al-Qalanisi 1932]. Кроме того, по раннему периоду монгольских нашествий в переводе доступны некоторые айюбидские источники, которые в целом связывают историю крестовых походов с приходом монголов [Amitai 1995: 4–7; Melville 1996: 313–317].

³⁰ Термин «религиозность» в настоящей книге используется для обозначения особенностей, связанных с различными аспектами, составляющими религиозный образ жизни и вероисповедание изучаемых здесь монгольских женщин, включая участие в религиозных ритуалах, финансирование или поддержку религиозных институтов, принятие ими религии, отличной от их собственной, а также посещение религиозных авторитетов и ученых и/или обращение за советом к ним.

³¹ О его доступе к монгольской библиотеке в обсерватории Марага см. [Aigle 200a8]. Об обсерватории в целом см. [Sayili 1960; Saliba 1994]. Подробное сравнение арабской и сирийской версий труда Бар-Эбрея приведено в [Aigle 2008a].

³² Еще одним примером таких источников является труд уроженца Дамаска аль-Умари [al-'Umari 1968].

Эти источники в основном представляют собой хроники или биографические словари, созданные на мамлюкских территориях и содержащие полезную информацию об отношениях между ильханидами и мамлюками Египта [Aigle 2007:100]. Несмотря на то что некоторые данные свидетельствуют о том, что ряд монгольских женщин отправились в Мамлюкское царство в качестве жен и что некоторые мамлюкские беженцы в Государстве Хулагуидов женились на монголках, характер информации о монгольских женщинах отличается от информации, представленной в персидских рассказах [Jawad 1932; al-Kazim 1995]. Например, некоторые тексты, написанные Ибн аль-Фувати или ему приписываемые, дают нам представление о разграблении Багдада, что полезно для заполнения пробела, оставленного персидской историографией по этому вопросу, где описание падения халифата используется для приукрашивания образа монголов по отношению к их мусульманским подданным [Lyons 1971]. Кроме того, рассказ аль-Фурата о дипломатических отношениях между мамлюками, монголами и христианскими королевствами Европы особенно важен для понимания раннего периода истории Государства Хулагуидов [Guo 1998]. Работы аль-Юнини о монгольском вторжении в Сирию дают интересное представление о жизни мамлюкской Сирии накануне вторжения в нее Газан-хана и ее завоевания [Behrens-Abouseif 1997; Rapoport 2007]. Однако, помимо полезной контекстуализации, предоставленной этими источниками, количество информации, относящейся конкретно к монгольским хатунам, довольно ограничено; между тем здесь проделана интересная работа по мамлюкским женщинам тюркского происхождения [Quatremere 1968].

Помимо мамлюкских источников, другие арабские документы играют существенную роль в дополнении персидских и христианских взглядов на монгольских женщин. Среди них особое внимание уделяется путешествиям Ибн Баттуты и его описанию монгольских территорий [Defremery et al. 1962; Gibb 2005].

В отличие от некоторых мамлюкских историков, которые писали свои рассказы, никогда не покидая мамлюкских территорий, магрибинский путешественник Ибн Баттута имел возможность установить близкие отношения, например, с женщинами Золотой Орды, оставив нам весьма информативный рассказ о них и их участии в повседневной жизни кочевников.

В этой книге арабские источники в целом и мамлюкские источники в частности используются не так широко, как персидские. Это объясняется главным образом тем, что основной целью настоящей книги является исследование не только статуса монгольских женщин в ильханидском Иране, но и изучение того, как монгольских женщин воспринимали те, кто жил на завоеванных монголами территориях. Взглянуть на то, как воспринимали этих монгольских женщин из мамлюкского Египта, было бы, несомненно, заманчиво, но это, к сожалению, выходит за рамки настоящего исследования.

Об этой книге

Несмотря на более чем столетнюю историю изучения Монголии и Персии, тема роли и статуса женщин в Монгольской империи до сих пор не получила сколько-нибудь глубокого исследования.

В надежде исправить это упущение настоящее исследование, построенное по тематическому принципу, посвящено роли и статусу женщин в политике, экономике и религии Монгольской империи, в особенности во время монгольского владычества в Иране (Государство Хулагуидов) в период с 1256 по 1335 год. По мере рассмотрения каждой темы в книге делается попытка показать, как изменились статус и роль женщин после завоевания монголами Среднего Востока и Центральной Азии в середине XIII века.

Поскольку Монгольская империя зародилась в Монгольской степи, для более глубокого понимания темы следует также рассмотреть некоторые аспекты доимперской Монголии. Исходя из этой идеи, глава 1 посвящена трем основным историческим периодам для рассмотрения статуса женщин, начиная с фундаментального мифа о начале существования монголов и заканчивая временем перед тем, как молодой монгольский князь по имени Темучин был провозглашен Чингисханом. В первом разделе этой главы рассматривается, как представлены кочевые женщины доимперского периода в раннеимперских монгольских источниках, в попытке определить, как монголы понимали роль женщин в своем собственном обществе. Далее мы исследуем особую роль, которую сыграли мать и первая жена Темучина в период его восхождения к власти. Наконец, последний раздел этой главы мы посвящаем обзору политической роли женщин в Евразии до завоевания ее монголами. Во всех трех разделах предпринята попытка рассмотреть исторический прецедент, который поможет понять внезапное восшествие монгольских хатунув на престол Монгольской империи в период ее единства (1206–1260 гг.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.